

Социальная организация уйльта Сахалина: середина XIX — первая половина XX в.

Владимир Викторович Подмаскин,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: podmaskin@yandex.ru

Елена Викторовна Фадеева,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: ev_fadeeva@mail.ru

Статья посвящена изучению по данным историко-этнографических источников общественного строя уйльта и той роли, которую он играл в XIX—XX вв. В этой связи большое значение приобретает культурная адаптация этноса к экологической среде. На основе этнографических данных авторы рассматривают взаимоотношения уйльтинских родов на севере и юге Сахалина как между собой, так и с местными нивхами и айнами, эвенками и тунгусо-маньчжурами материка. Анализируется происхождение родовых названий уйльта. В генетическом отношении мелкие родовые подразделения были своеобразными пережитками патриархальных семейных общин, а в системе общественных связей главную роль играли родовые подразделения, состоявшие из малых семей. В родоплеменной организации уйльта низшее звено (родовое подразделение) заключало в себе все или почти все функции семейной патриархальной общины.

Попутно в статье затронут ряд важных спорных проблем: происхождение этнонимов, специфические черты кровно-родственных и территориальных общин, традиция «родовой» взаимопомощи. Ставится вопрос о связях и взаимодействиях уйльта с русским и японским населением.

Проникновение в XIX в. торгового капитала и рыночных отношений на остров способствовало экономическому расслоению, увеличению количества малооленных и безоленных хозяйств. Безоленные и малооленные уйльта были вынуждены заниматься охотой и рыболовством, начали переходить от кочевания к оседлости. Охотники, постепенно теряя навыки ухода за оленями, стали забивать их на мясо при неудачной охоте и в результате оставались

без оленей. Толчком к развитию экономической дифференциации и разрушению древних родовых традиций послужили промышленное освоение острова и приход торгового капитала.

Ключевые слова: родовая организация, патриархальная семья, экзогамия, обычное право, соседская община, родовые покровители, материнский род, кровная месть, социальное расслоение, туземное управление.

Social organization of the Uilta of Sakhalin:

the middle of the nineteenth century — the first half of the twentieth century.

Vladimir Podmaskin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: podmaskin@yandex.ru.

Elena Fadeeva, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: ev_fadeeva@mail.ru.

Based on historical and ethnographic sources, the article is devoted to the study of the social system of the Uilta and its role in the nineteenth and the twentieth centuries. Cultural adaptation of the ethnic group to the ecological environment is of great importance. Taking into consideration ethnographic data, the authors examine the relationships of the Uilta people in the north and in the south of Sakhalin both among themselves and with the local Nivkh, the Ainu, the Evenks and the Manchu-Tungus. The authors analyze the origin of the generic name of this ethnic community. Small tribal divisions were the relics of patriarchal family communities while the tribal subdivisions consisting of small families played the main role in the system of social relations. In the tribal organization of the Uilta the lower group (the family unit) implied all or almost all functions of the patriarchal family community.

At the same time, the article touches upon a number of important controversial issues: the origin of the ethnonyms, the specific features of kinship and territorial communities, the tradition of mutual help. The question of relations and cooperation of the Uilta with Russian and Japanese inhabitants is raised. Penetration of commercial capital and market relations on the island contributed to economic stratification, the decrease in the number of reindeer farms. The Uilta were forced to engage in hunting and fishing and began to shift from the nomadic life to the settled way of life. Hunters, losing gradually the skills of taking care about the reindeers, began to slaughter them for meat during unsuccessful hunting and were left without reindeers. The industrial development of the island and the penetration of commercial capital gave an incentive to the development of economic differentiation and the destruction of ancient tribal traditions.

Keywords: tribal organization, patriarchal family, exogamy, common law, neighboring community, tribal patrons, maternal race, blood feud, social stratification, native management.

Уйльта (ороки, орочёны) — этническая общность с характерными чертами древней культуры тунгусо-маньчжуров Нижнего Амура. Хозяйственно-культурный комплекс данного этноса, хорошо приспособленный к местным условиям, сложился в ходе расселения их по Сахалину, вероятно, достаточно давно. Но столетия жизни в суровых климатических условиях способствовали консервации традиционных культурных черт, возникших в отдалённые исторические эпохи. Традиционная культура этноса представлена не как конгломерат разнородных явлений, но как целостно-смысловое единство, имевшее основополагающее значение для адаптации и стабилизации социально-экономической жизни на острове.

Во второй половине XIX в., на стадии разложения патриархально-родового строя, у уйльта происходил процесс распада большой патриархальной семьи и утверждения малой. Самой крупной структурной общественной единицей была общинно-родовая группировка — *доха* — объединение нескольких родов. Община, или род (*хала*, или *халан*) имела самоуправление (совет старейшин) и признавалась аборигенами отдельной суверенной общественной единицей. Основной экономической единицей была семья и объединение нескольких семей (стойбище) [10, с. 82].

В конце XIX — начале XX в. в общественной жизни уйльта ещё сохранялись пережитки родоплеменной структуры. Общество делилось на экзогамные патриархальные роды, которые утратили единство территории и происхождения, но продолжали выполнять функции норм обычного права, взаимопомощи, регулировали брачные отношения, осуществляли защиту сородичей, сохраняли язык и традиционную материальную и духовную культуру.

Отдельные семьи, как и сами родовые общины (*хала*, *тава*), то объединялись, то дробились — включали в свой состав людей из других родов (на основании института *духаи*) или вступали в брачные отношения с представителями других родов (нивхами, айнами, тунгусами, ульчами, негидальцами, якутами).

Обозначение рода *хала* было распространено у нанайцев, ульчей, орочей, негидальцев, а также маньчжуров и имело значение: фамилия, обозначение родственников, род, племя [17, с. 459—460]. Другое название внутренней структуры родственных связей — *тава* (огонь) — использовалось только у уйльта. Вероятно, оно имеет более древнее происхождение и соответствует первоначальному понятию рода, который составляют кровные родственники, имеющие один общий огонь. Слово *хала* позднее вошло в лексикон уйльта и стало означать принадлежность к одной фамилии, а также к одному племени (народу) [12, с. 15].

Родовая организация под влиянием внутренних и внешних причин (проникновение торгового капитала, развитие частнособственнических отношений) к началу XX века по существу распалась. Родовые названия не стали фамилиями. Внедрённые русские и японские имена и фамилии никак не были связаны с родовыми названиями. Названия *уйльта*, *уйлта*,

ульта, ульча (ольча), ороки (орочи), орочёны (название скотоводов маньчжурами), вероятно, получены от соседних народов [11, с. 83].

Исследователи обнаружили у уйльта свод народных позитивных представлений, заповедей, правил и норм обычного права [6, с. 77—78]. В основе правопорядка уйльта, как и других тунгусо-маньчжурских народов, лежало беспрекословное подчинение младших старшим; полными правами обладали лишь люди старше 40 лет. Непререкаемым авторитетом при этом пользовались старики (*сагдисал*): их мнения, требования и рекомендации воспринимались на уровне законов, обязательных для исполнения. Во время трапезы им выделяли лучшие куски мяса, а при встрече в знак уважения подавали им две руки, а не одну, как остальным; при перекочёвках за ними ухаживали. Детям предписывалось одинаково почитать и отца, и мать; как старших братьев, так и сестёр. Многие хлопотливые вспомогательные обязанности возлагались на детей, более тяжёлые — на подростков, квалифицированная работа была уделом взрослых; распоряжались же всем старики, выступая своеобразными экспертами и советчиками. Там, где этот иерархический порядок соблюдался, не было причин для разногласий, морально-психологическая обстановка считалась стабильной и здоровой.

Суровые условия жизни способствовали сплочению общинно-родовых коллективов, определяя тесную взаимопомощь в самых разных сферах, которая зачастую распространялась не только на сородичей, но и на инородцев, если, конечно, не было родовой вражды. У уйльта бытовал обязательный делёж добычи между жителями селения. Этот реликт воспринимался как нравственный долг, внушаемый с детства. При первой возможности долги возвращали. Кражи считались тяжким преступлением и были крайне редки. Поэтому припасы, имущество размещали на лабах, чтобы до них не добрались животные, замков не существовало. Чтобы различать оленей, каждая семья метила своё стадо особыми надрезами на ушах животных. Этого было достаточно, чтобы никто не присвоил чужого оленя. Обычай предписывали принять в дом путника, накормить, дать ночлег и посодействовать в нуждах.

Закон обычного права закреплял статус личности через конкретный производительный труд и непосредственные взаимоотношения с природой. Ребёнок с детства должен был понимать, что ему предстоит стать оленеводом, охотником, рыболовом и никем другим. Будущее благополучие всецело зависело от того, как он освоит всю сумму производственных навыков. Здоровая жизнь означала труд, а неумение или нежелание трудиться таило реальную опасность погибнуть, не выдержав испытания внешними условиями. Главным наглядным примером выступал личный пример старших. Физические наказания распространёнными не были [6, с. 95—96].

Сведения о родовом составе уйльта известны с конца XVIII века. В основном это были названия, упоминавшиеся в отписках землепроходцев

или сообщениях путешественников. Более полный перечень уйльтинских родов встречается в церковных метрических книгах. Так, в метрической книге Николаевского собора за 1896 г. упоминаются крещёные «кочевые орочёны» одиннадцати родов: Гед, Черича, Валича, Бая, Тороса, Сюкту, Муйгаттэ, Гетта, Даги, Синагдо, Пилетту [ГАСО. Ф. 23—И. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 3, 4, 26, 30—33, 40, 42, 47, 52, 68; 15, с. 144].

Прибыв на о-в Сахалин, многие роды получили своё название по топониму. Но, по мнению Б. Пилсудского, для Сахалина следовало предположить скорее обратное: местность получила название от имени рода, который её занял. Так, например, Муйка имеют две (у оз. Тарайка и по притоку р. Поронай в среднем течении, ибо род Муйка находился раньше в последнем, а потом в первом стойбище) [9, с. 12]. Как отметил Б.О. Долгих, «несомненно, что многие племена и роды сибирских народов XVII в., известны нам под территориальными названиями и названиями, образованными от имён, возглавлявших эти племена и роды лиц, кроме того, имели другие названия — специфические племенные, тотемистического характера или по предкам эпонимам» [4, с. 11—12]. Поэтому многие наименования уйльтинских родов происходят от названия отдельного географического места (населённого пункта, реки, угодья и др.). Обычно имена обозначают название жителя данной местности, возможно реки, по типу: Валусал, Валетта (Валу) — названия уйльтинских родов, Вал — название реки, Дахисал — название рода, Дахи — название реки. У уйльта род Сюкта произошёл от прежнего названия р. Поронай [6, с. 72]. В литературе встречается упоминание о том, что происхождение этнонимов Вангита, Вокдо, Гэунь, Дапагда, Джизакда, Пэ, Сиси, Сэдухо, Солеикта, Тунгда связано с названием местных растений [22, с. 229—230]. Имеющий в категории имени существительного словообразовательный суффикс — *та* (например, Гетта) не образует слов с новым значением, а лишь вносит новый признак уменьшения в уже имеющееся значение [8, с. 101—135]. Топонимическую основу происхождения, вероятно, имели и этнонимы «ороки» и «уйльта», на что обратили внимание некоторые исследователи [2, с. 34—35; 11, с. 79—83; 18, с. 110—111].

На северном Сахалине в 1928 г. было отмечено девять родов: Гетта, Торся, Бояуса, Синаходо, Туэсо, Муйотта, Намисса, Сукта, Балинта [7, с. 858]. В 30-е годы XX в. Т.И. Петрова насчитала восемь родов: Бояуса, Валу (Валусал, Валетта), Гетта, Муэттэ (Муйгэттэ), Намисса, Синахуда, Сюэктэ (Соокта), Ториса [8, с. 101—102]. Перечисленные роды имелись как в северной, так и в южной части Сахалина. Кроме того, для уйльта последней области отмечались территориальные названия: барабайннени (жители р. Поронай), осоннени (жители р. Осо), найпутэннени (жители местности и сел. Тарайка). Группировки чаще носили названия по месту их основного обитания. Так, район Набильского залива заняли Гетта, Ториса, Муэттэ, Сюэктэ. На севере Сахалина в районе р. Вал размещались

Бояуса, Синахуда, Намисса, Валу. Таким образом образовались две группы, которые, по преданиям, составляли два союза: первый — под предводительством рода Гетта (дахиннени, т.е. жители р. Дахи), второй — Валу (валуннени, жители р. Вал). Такие объединения различных родов под единым названием имели в жизни уйльта прагматическое значение. Как стало известно, эти группировки в старину вели между собой длительные войны, поводом которых являлась кровная месть. Эти междоусобия нашли своё отражение в фольклоре [9, с. 47—49; 8, с. 130].

В 1904 г. Б. Пилсудский исследовал ороков средней части Сахалина в бассейне реки Поронай. Он отметил шесть названий родов *хален*: Дахи, Валь, Торися, или Чорын, Сюкта, Муйка, Гетта. Роды Дахи, Валь, Торися, Гета населяли тундры Ныйского и Набильского залива и территории севернее их (Дахи — самый северный район тундры, Валь — самый южный; Торися — средний район; Гета — в стойбище Ториль). В южных Поронайских тундрах живут роды Сюкта (около крупного притока Пороная — Сиськи) и Муйгаци, или Муйка (около оз. Тарайка). Оба эти рода считаются самыми древними, пришедшими на юг. Род Торися (тот же, что и на севере) распространился на юг лишь три поколения тому назад, когда несколько человек переселились с севера, обосновавшись вблизи от устья р. Поронай. С севера же переехало несколько человек рода Валь, образовав на юге как бы самостоятельный род Валици, или Валита, поселившийся на северо-восточном берегу озера Тарайка. Из числа южных родов в северных районах в 1904 г. жил один орок из рода Муйка и один из рода Валита. Из северного рода Дахи три брата переселились в южный район в стойбище Нугуру [9, с. 12, 14]. Каждый род занимал определённую территорию и не позволял пользоваться ею чужому роду [9, с. 12; 8, с. 101—102; 6, с. 71—72]. Поэтому роды *духаи* (родственные роды) могли стать враждебными, как это произошло однажды между Ториса и Бояуса. Следы этого деления тундры — пастбища для оленей и поля для охоты — видны ещё из следующего: после появления в 1860-х годах тунгусов с ними была заключена сделка, и тундры левого берега р. Тымь были отданы в пользование тунгусам, а уйльта оставили за собой тундры правого берега. Тунгусы, однако, не хотели считаться с поставленными им условиями и начали бродить по всему пространству Сахалина, где только могли найти пригодные для своих оленьих стад пастбища. Очевидно, впоследствии и уйльта пошли по примеру импонирующих им во всём далёких сородичей, вследствие чего в начале XX в. южная тундра уже находилась в бессистемном пользовании. Из семи стойбищ, в которых уйльта жили на юге в 1904 г., только четыре были заселены членами одного и того же рода, в остальных же жили представители разных родов. В с. Сюкту (Социгаре) жили род Сюкту и Торися, в с. Муйгаци — род этого же названия и одна семья, по отцу зачисленная в род ольчей Дзяксуль, и в с. Нугуру — роды Муйка, Валита и Дахи [9, с. 14—15].

В больших группах исследователи выделяют локальные (или кочевые) малочисленные группы. Как правило, они состояли из нескольких одно-, двухпоколенных семей одного рода. Е.А Крейнович выявил в 1928 г. пять кочевых групп на советской территории: в районе Луньского залива — род Мангиты, в районе Набильского и Ныйвенского заливов — роды Секта и Ториса, на р. Даги — роды Гетта и Дагинен, на берегу залива Чайво — роды Синаху, Гетта, залива Кекрво (Пильтун) — роды Баяуса и Намиса упоминался вымерший род Тугаса (Тувэсэ) [5, с. 4]. Каждая группа из года в год осваивала одни и те же пастбища, одни и те же охотничьи и водные угодья.

Ряд родов уйльта состоял из двух подразделений — *даи* и *нучи*, что знаменовало собой отпочкование от основных родов дочерних. *Даи хала* (большой род) имел *Даи тава* (большой огонь), *Нучи хала* (маленький род) имел *Нучи тава* (маленький огонь). Такое деление имели пять родовых групп: Даи Баяуса — Нучи Баяуса; Даи Гетта — Нучи Гетта; Даи Торисса — Нучи Торисса; Даи Намисса — Нучи Намисса; Даи Сюкту — Нучи Сюкту. Отпочковавшиеся подразделения оставались экзогамными, браки между ними были запрещены. Кроме того, роды Торисса и Баяуса были также родственными и браков между собой не заключали.

Роды Муэттэ (Муй эттэ), Валетта и Синаходо подобных подразделений не имели. Возможно, они явились основой для некоторых из перечисленных родов или были малочисленными по своему составу. Возможно, эта градация стала происходить в результате деления и отпочкования родовых подразделений и переселений на другие земли. Но, вероятнее, это были самостоятельные роды, составляющие некогда сложную социальную организацию уйльта [13, с. 16; 12, с. 14].

В конце XIX — начале XX в. роды Дахи, Валь, Ториса, Гетта жили на территории современного Ногликского района. Это нашло отражение в топонимике населённых пунктов (село Вал, посёлок Даги). Род Муйка располагался в районе современного села Первомайска Смирныховского района и на южном побережье озера Невское, где находилось орокское селение Муйгацы. Род Сюкта — по правому притоку в устье р. Поронай (старое название — р. Сиска) в с. Леонидовке. Здесь располагалось орокское селение Сюкта (Социгар).

Анализируя родовой состав, можно заметить, что большинство родовых названий оканчиваются либо на суффиксы «са» (в основном на севере), либо на «та», «тта» (на юге). Выделен лишь один род Синаху (Облезлый хвост), живущий на р. Вал [6, с. 75].

В первой половине XX в. отдельные семьи занимали преобладающее место в структуре общества и в экономической деятельности. Однако имел место и процесс образования соседских общин независимо от родовой принадлежности. Соседство представителей разных родов отмечалось повсеместно, особенно во время летней рыбалки.

В родовом составе южных и северных уйльта имелись как общие роды, так и различные. Общие: Гетта, Дахинени, Муйотта, Секту, Ториса;

только у северных уйльта — Баяуса, Намиса, Синахуду; только у южных уйльта — Амультикану, Варабайнени, Валетта, Найпутунени [15, с. 61].

Разнообразие родовых названий свидетельствует о сложном этногенезе уйльта, в котором предварительно выявляются несколько этапов, протяжённых во времени. Активное участие на поздних этапах этногенеза уйльта (XIX в.) принимали тунгусы, отчасти айны и нивхи.

Каждый род имел своего покровителя-хозяина — *ыдзигы*, который всегда помогал опекаемым им людям даже в болезни и без приглашения шамана. От каждого убитого зверя ему давали кусок сердца (в том месте, где упала жертва охотника). Бросая кусок, говорили: «*ыдзигэ баро*», то есть «хозяин, возьми». Кроме этого при каждом новолунии (*агбинд-зиббе*) и полнолунии (*чизсобе*) совершались жертвоприношения, при которых хозяину подносилось что-либо съедобное, всегда лучшие блюда и лучшие куски (на дворе, но не в огонь). Этот покровитель мог летать и ходить по земле, а также передвигаться по воде. Его обычно не видели, а только в случаях, предвещающих какое-либо несчастье, он показывался человеку, принадлежащему к опекаемому им роду. Появлялся он, однако, не в своём собственном обличье, а приняв вид старухи или медведя, либо иного животного. В этом случае, чтобы отогнать от себя несчастья и вместе с тем выпросить помощь покровителя, варили лучшие блюда в качестве жертвоприношения. У уйльта это называлось *циуциии*. Так, род Ториса имел покровителем большую птицу кори, способную закрыть собой даже солнце. Покровитель родов Сюкта и Валита — тигр (*дуссы*); рода Муйки — существо *мыргыды*, горный человек — хозяин всех зверей, имеющий вид человека с очень длинной бородой [9, с. 13—14].

Род уйльта имел свои черты, характеризующие род отцовский. Прежде всего только по отцу считалось кровное родство. Все, принадлежащие к одному роду, были связаны сознанием общности происхождения от одного и того же предка (мужского пола) — главы рода; все они были обязаны поддерживать друг друга в вопросах материальных и юридических. Кровная месть, помощь в войнах с внешним врагом (с айнами) и внутри племени, в межродовых недоразумениях, помощь в похищении женщин из чужого рода обязывали к долгу всех членов одного рода. Всякий, даже самый бедный, человек имел право на опеку со стороны своих родственников. Впрочем, он был всегда желанным даровым работником для членов рода, которым счастье благоприятствовало, но которым не доставало помощников в увеличивающемся хозяйстве. В религиозном отношении значение рода у уйльта выражалось в том, что во время самого значительного праздника при убиении медведя роль хозяев исполняли члены рода. Они участвовали и в покрытии расходов праздника, как и прежде, в течение нескольких лет сообща кормили медвежонка. Они одни имели право бросаться на голову медведя и заботились о том, чтобы все кости были собраны и отнесены в лес, в специально предназначенное для этого место. Женщины, выданные замуж в чужой род, и дети их никаких прав хозяев не имели [9, с. 15—16].

В роде уйльта господствовал принцип безусловной экзогамии. Даже после крещения — почти все ороки были православные — никто не брал жены из своего рода, даже если степень родства (с точки зрения канонических правил православной церкви) для такого брака не служила помехой. Всякая девушка, после того как её выдали замуж в другой род, теряла свою принадлежность к роду отца и братьев и сразу входила в род своего мужа. О патрилокальности рода говорит и тот факт, что женщины к священнодействиям (типа кормления хозяина воды *Тэму* и духов различных природных стихий) не допускались [9, с. 16; 16, с. 260].

Роды уйльта обменивались женщинами. Так, например, род Ториса на юге брал женщин из рода Сюкту и наоборот; роды Муйка и Валита были тоже соединены такими двойными узлами. Неоднократно же случалось, что такой обмен происходил с женщинами только двух семей. В этих случаях плата, которую семье жены должен был дать муж или его семья, не взималась. В род Намиса жён брали из рода Даји Бајауса, который, в свою очередь, брал жён из рода Гетта, а своих женщин отдавал в роды Нучи Ториса и Синахуду. Жёны из рода Нучи Бајауса входили в три рода: Гетта, Сюкту, Синахуду, а брались из рода Гетта. В род Синахуду жён брали из родов Нучи Бајауса и Гетта, а уходили жёны в Даји Бајауса и Нучи Ториса. Из рода Нучи Ториса брали жён в роды Гетта, Синахуду, Сюкту. Род Гетта брал жён из родов Нучи и Даји Ториса, а отдавал в Синахуду и Даји Бајауса. Род Сюкта в более поздний период подразделялся также на Даји и Нучи, представители которых приезжали с юга за жёнами в северный род Гетта. Последний, в свою очередь, обменивался жёнами с родом Муйгэттэ, который тоже имел более позднее деление на Даји и Нучи [9, с. 16—17; 6, с. 76—77].

Однако в начале XX в. принцип брать жён из одного избранного рода уже не исполнялся. Этому способствовали, с одной стороны, ушедшие в прошлое взаимные недружелюбные отношения и память о прежних войнах, разделявших роды, с другой стороны, влияние тунгусов, японцев, русских и принятие христианства (например, обычай отдавать сестру шурина порицался миссионерами) сильно расшатали традиционные устои ороков [9, с. 16—17].

Таким образом, родовая структура уйльта характеризуется разложением первобытнообщинных отношений, переходом отдельных исторически сложившихся территориальных подразделений от кочевого образа жизни к оседлости [15, с. 48—51]. По-видимому, к началу XX в. у уйльта не был завершён процесс окончательного распада рода. Он играл важную роль в регулировании брачных отношений, в вопросах наследования имущества. Носителями традиций рода являлись мужчины. Первостепенное место занимали инициации — посвящение юношей в ранг взрослых. Это характеризует сравнительно высокий уровень развития социальной структуры древних общин при переходе от материнского рода к отцовскому, когда для такого перехода имелись соответствующие

экономические предпосылки. В одном случае такой предпосылкой было возникновение производящего хозяйства, оленеводства. В других же, на Сахалине, такую роль могло играть специализированное хозяйство рыболовов амурского типа.

С принятием христианства у уйльта исчезли родовые названия. На современном этапе стали господствующими русские фамилии: Бибиков, Макаров, Чинков, Миронов, Соловьёв, Борисов, Екимов, Захаров, Павлов, Иннокентьев, Жимьянов, Владимиров, Михеев, Егоров, Алексеенко, Кириллов, Степанов, Давыдов, Хрулёв, Осипов и др. Любимые имена уйльта для мужчин: Виктор, Иван, Андрей, Егор, Лука, Николай; для женщин: Анна, Ирина, Марья, Мария, Ольга, Эмма, Елена, Зоя, Нина [9, с. 38; 1, с. 480—481]. Сохраняются японские имена и фамилии, иногда смешанные с русскими именами: Сирюко Минато, Огава Тоутаро, Огава Хацуко, Л.Р. Китазима, А.Е. Накагава, Казико Сугавара, Навтаро Ямакава, Анна Дмитриевна Оона, Ямакава Чиико, В.С. Кимура, Юрий Васильевич Китагава, Ким Нацко, Тамара Оно, Танака Рё, Татьяна Огава, Казива Кирино, Вера Накагава, Ямакава Семнэвда, Ямакава Капасида, Сададило Ооно, Ямакава Семнэвда, Качеро Ямакава, Александра Накагава, Деленгеуда Накагава, Сергей Окава, Иван Осава, Огава Хацука [21, с. 191]. Японские имена уйльта Поронайского района получили в период оккупации Японией Южного Сахалина (1905—1945 гг.).

Весь общественный уклад жизни уйльта свидетельствует о том, что основой жизнеобеспечения уйльтинского общества были оленеводство, рыболовство, морской зверобойный промысел и охота. В связи с этим преобладающее и решающее значение в хозяйственной и социальной жизни принадлежало мужчине — охотнику, рыболову и оленеводу. Из пережитков первобытнообщинного строя сохранились следующие институты: деление на роды со счётом родства по отцовской линии, родовое имя, экзогамия, элементы коллективного производства, следы классификационной системы родства. Оленеводство способствовало консервации кочевничества, его хозяйственной, общественной организации и социально-экономической структуры, связанной с сохранением частной собственности на средства производства. Для уйльта характерен был процесс приобретения оседлости отдельными группами подвижных скотоводов и складывания территориальных общностей.

Выходцы из более южных широт, уйльта (ороки), придя на Сахалин, создали здесь, в труднейших условиях, свою оригинальную культуру. Заселение уйльта той обширной территории, которую они занимали в XVIII—XX вв., проходило несколькими волнами, что затормозило развитие их производительных сил. В ходе расселения уровень развития производительных сил уйльта повышался очень медленно; и материнский род разложился у них тогда, когда ещё не созрели экономические условия, необходимые для формирования отцовского рода.

Мы предполагаем, что разложение материнского рода у авангарда переселенцев совершилось прежде, чем они достигли острова.

Таким образом, разложение первобытнообщинного строя у уйльта сопровождалось крупными изменениями в общественной организации. Исчезали родовые связи, реальные хозяйственно-политические общности и складывалась племенная организация, основанная на родственно-генеалогическом принципе, который стал идеологическим обоснованием исторически складывавшихся общественных структур. Это означало, что, хотя «кочевые орочёны» и их подразделения рассматривались самими оленеводами как следствие разрастания и сегментации исходной семьи или семей, в действительности политические и этнические процессы развёртывались совершенно иначе. Вследствие реальных хозяйственных и политических процессов, условий подвижной жизни и военных столкновений одни кочевые группы дробились, другие объединялись — создавались новые территориальные образования. Эти процессы не находились в противоречии с генеалогическим племенным принципом, а были в островных условиях взаимосвязаны и взаимно необходимы. Племенная структура сохранялась, хотя основной ячейкой общества был не род, а семья и кочевая община, по своей сути — соседская. В островных условиях оленеводы оседали, разлагалась их кочевническая организация, что вело к дальнейшей территориальной и этнической консолидации.

С установлением советской власти на Сахалине началась эра действия новых общественных установок и законов. Для управления аборигенным населением при Дальревкоме был создан Туземный подотдел с целым рядом местных управлений [3, с. 175]. Ему поручалось защищать интересы аборигенов Дальневосточного края и проводить мероприятия по социалистическому строительству. Туземный подотдел в 1926 г. разработал «Временное положение об управлении туземных племён, проживающих на территории Дальневосточной области». В нём отмечалось, что среди народностей и племён северных окраин РСФСР, ведущих бродячий, кочевой и полукочевой образы жизни и занимающихся главным образом охотой, рыболовством и оленеводством, организуются специальные органы туземного управления. 2 ноября 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племён северных окраин РСФСР», согласно которому судебные функции временно возлагались на туземные органы управления [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 108. Л. 61].

Туземным органам управления при производстве судебных дел предписывалось учитывать местные обычаи, которые не противоречили основным положениям советского законодательства [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 108. Л. 61]. Отмечалось, что туземные органы управления могли рассматривать гражданские дела, касающиеся брачных и семейных отношений, а также все дела имущественного и правового характера [19, с. 33].

С переходом туземного населения в подчинение русских их положение не улучшилось, а намного ухудшилось. Так, в документах Комитета севера при ВЦИК отмечалось, что в повседневных делах и развитии хозяйства аборигенов администрация русских не усматривала различий между аборигенным и русским населением [Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 382. Л. 108].

В настоящее время память о прежнем родовом составе уйльта у среднего и старшего поколений ещё довольно свежа. Уверенно называются такие родовые наименования, как Баяуса, с подразделением на *даи-баяуса*, т.е. большие баяуса, и *нуту-баяуса*, малые баяуса (Владимировы, Михеевы, некоторые из Степановых); Намиса (Мироновы, Макаровы); Гетта с подразделением на *даи-гетта* и *нуту-гетта* (Бибиковы); Синахудо (Иннокентьевы) и Тори, или Ториса, с подразделением на *даи-ториса* и *нуту-ториса* (Кирилловы, некоторые из Степановых). Никакие иные родовые наименования, отмечавшиеся ранее Б.А. Васильевым, А.В. Смоляк и другими исследователями, как-то: Сукта (Сюкту), Муйотта, Туэсо и пр. — не назывались. Для части родовых наименований информанты предлагают даже свою этимологию. Так, Намиса воспринимается как «что-то, связанное с оленями», вероятно, исходя из наличия в языке слова «*нами*» — «важенка», Баяуса — как «богатые» [20, с. 19, 20].

Никаких брачных запретов или предпочтений, исходя из родовой принадлежности брачующихся, уже нет. Все опрошенные уверены в том, что браки возможны даже в одном роде, например, между представителями подразделений *даи* и *нуту* (*нуту*). В принципе не осуждаются браки между троюродными братьями и сёстрами, хотя на практике многие уйльта, имеющие общих детей, состоят в более близкой степени родства. Как считают сами уйльта, требуется «обновление крови», поскольку близкородственные отношения приводят к рождению детей с теми или иными физическими отклонениями. Поэтому они вступают в браки с нанайцами, нивхами, эвенками, корейцами, айнами; прежде смешанные браки чаще наблюдались у безоленных уйльта, поселившихся на берегу [20, с. 20; 14, с. 38, 39].

До недавнего времени пережитки родовой организации проявлялись в устройстве и проведении медвежьего зимнего праздника: сородичи строили вместе большой конический чум для участников праздника и совместно расчищали площадку для стрельбы в медведя. Устроителем праздника, ответственным за соблюдение всех обычаев, считался род в целом, все его члены обеспечивали необходимую еду для гостей — представителей других родов. Убитый медведь передавался старшему в роду, на котором лежала организация обрядовой трапезы. В памяти живущих поколений уйльта сохранились весьма немногочисленные сведения о межродовых устоях, что проявляется, главным образом, в бытовых сценах, во время ссор, разборок и в основном в мужском обществе, занимающемся и сегодня традиционной хозяйственной деятельностью [7, с. 858; 6, с. 77].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 486 с.
2. Василевич Г.М. Этнонимы и фольклор // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 25—36.
3. Дальревком: Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922—1926 гг.: сб. документов. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1957. 286 с.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
5. Крейнович Е.А. Расселение туземного населения советской части о-ва Сахалин (на основании материалов, собранных на о-ве Сахалин 1927—1928 г.) // Дальневосточное статистическое обозрение. 1928. № 12 (51). С. 1—9.
6. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006. 295 с.
7. Народы Сибири. Этнографические очерки / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.
8. Петрова Т.И. Имя существительное в орокском языке // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 167. Л., 1960. С. 101—135.
9. Пилсудский Б.О. Из поездки к орокам о. Сахалин в 1904 г. Препринт. Южно-Сахалинск: ИМГиГ (Институт морской геологии и географии) ДВО АН СССР, 1989. 76 с.
10. Подмаскин В.В. Рождение, воспитание и социализация детей и подростков у народов Нижнего Амура и Сахалина в конце XIX — начале XX в. // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С. 82—93.
11. Подмаскин В.В. Новая гипотеза о происхождении этнонимов «ороки» и «уйльта» // Материалы междунар. научно-практ. конф., посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Хабаровск, 15—17 апреля 2015 г. Восьмые Гродековские чтения: Дальний Восток России: история и современность / ХКМ им. Н.И. Гродекова. Хабаровск, 2015. Т. 3. С. 79—83.
12. Роон Т.П. Уйльта Сахалина: Ист.-этногр. исслед. традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII — середины XX в. Южно-Сахалинск: Сахалинск. обл. кн. изд-во, 1996. 176 с.
13. Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков (уйльта). Диалектологический орокско-русский словарь. Этнографические исследования // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. XIV. 157 с.
14. Смоляк А.В. Южные ороки (этнографические заметки) // Советская этнография. 1965. № 1. С. 28—42.
15. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX — нач. XX в. М.: Наука, 1975. 232 с.
16. Смоляк А.В. Ороки // Народы России: Энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М.: науч. изд-во «БРЭ», 1994. С. 260—261.
17. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
18. Старцев А.Ф. Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015. 163 с.
19. Статус малочисленных народов России: Правовые акты. М., 1999. Кн. 2. 396 с.
20. Функ Д.А., Зенько А.П., Силанняя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14—30.

21. Черпакова К.Я. Экспедиция в прошлое // Культурное наследие Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2009. С. 187—191.
22. Шмидт Ф.Б. Сахалинская флора // Труды Сибирской экспедиции ИРГО. Физический отдел. Ботаническая часть. СПб., 1874. Т. 2. С. 85—233.
23. Архив ИИАЭ ДВО РАН (Арх. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
24. ГАСО (Гос. арх. Сахалинской области).
25. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Bereznickij S.V. *Jetnicheskie komponenty verovanij i ritualov korennyh narodov Amuro-Sahalinskogo regiona* [Ethnic components of beliefs and rituals of indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 486 p. (In Russ.)
2. Vasilevich G.M. *Jetnonimy i fol'klor* [Ethnonyms and folklore] *Fol'klor i ehtnografiya*. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 25—36. (In Russ.)
3. *Dal'revkom: Pervyj ehtap mirnogo sovetskogo stroitel'stva na Dal'nem Vostoke. 1922—1926 gg.*: sb. dokumentov [Far Eastern Revolutionary Committee: The first stage of the peaceful Soviet construction in the Far East. 1922—1926. Collection of documents]. Habarovsk, Habar. kn. Izdatelstvo Publ., 1957, 286 p. (In Russ.)
4. Dolgih B.O. *Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Generic and tribal composition of peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1960, 622 p. (In Russ.)
5. Krejnovich E.A. *Rasselenie tuzemnogo naselenija sovetskoj chasti o-va Sahalin (na osnovanii materialov, sobrannyh na o-ve Sahalin 1927—1928 g.)* [The resettlement of the native population of the Soviet part of the island of Sakhalin (Based on the materials collected on the island of Sakhalin 1927—1928)] *Dal'nevostochnoe statisticheskoe obozrenie*, 1928, no. 12 (51). pp. 1—9. (In Russ.)
6. Missonova L.I. *Ujl'ta Sahalina: bol'shie problemy malochislennogo naroda* [The Uilta of Sakhalin: big problems of small people]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 295 p. (In Russ.)
7. *Narody Sibiri. Jetnograficheskie ocherki* [The peoples of Siberia. Ethnographic essays] / ed. by M.G. Levina, L.P. Potapova. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1956, 1084 p. (In Russ.)
8. Petrova T.I. *Imja sushhestvitel'noe v orokskom jazyke* [The noun in the Orok language]. *Memoirs of Leningrad State Pedagogical Institute named after A.I. Herzen*, vol. 167, Leningrad, 1960, pp. 101—135. (In Russ.)
9. Pilsudskij B.O. *Iz poezdki k orokam o. Sahalin v 1904 g.* [From the trip to the Oroks of Sakhalin Island in 1904]. Preprint. Yuzhno-Sakhalinsk, IMGiG (Institut morskoy geologii i geografii) DVO AN SSSR Publ., 1989, 76 p. (In Russ.)
10. Podmaskin V.V. *Rozhdenie, vospitanie i socializacija detej i podrostkov u narodov Nizhnego Amura i Sahalina v konce XIX — nachale XX v.* [Birth, upbringing and socialization of children and adolescents among the peoples of Lower Amur and Sakhalin in the late 19th — the early 20th centuries]. *Sem'ya i semejnyj byt v vostochnyh regionah Rossii* [Family and family life in the eastern regions of Russia]. Vladivostok, 1997, pp. 82—93. (In Russ.)

11. Podmaskin V.V. Novaja gipoteza o proishozhdenii jetnonimov “oroki” i “ujl'ta” [A new hypothesis about the origin of the ethnonyms “Orok” and “Uilta”]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhjonnoj 70-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne, Habarovsk, 15–17 aprelyja 2015 g.* Vos'mye Grodekovskie chtenija: Dal'nij Vostok Rossii: istorija i sovremennost' [Proceedings of the international applied research conference dedicated to the 70th anniversary of the Second World War, Khabarovsk, April 15–17, 2015 (The Eighth Grodekovo Readings): The Far East of Russia: history and today] / HKM im.N.I.Grodekova. Khabarovsk, 2015, vol. 3, pp. 79–83. (In Russ.)
12. Roon T.P. *Ujl'ta Sahalina: Ist.-jetnogr. issled. tradicionnogo hozjajstva i material'noj kul'tury XVIII – serediny XX v.* [The Uilta of Sakhalin: historical and ethnographic research of traditional economy and material culture of the 18th century – the middle of the 20th century]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sahalinsk. obl. kn. izd-vo Publ., 1996, 176 p. (In Russ.)
13. Sem Ju.A., Sem L.I., Sem T.Ju. Materialy po tradicionnoj kul'ture, fol'kloru i jazyku orokov (ujl'ta). Dialektologicheskij oroksko-russkij slovar'. Jetnograficheskie issledovaniya [Materials on the traditional culture, folklore and the Orok language (Uilta). Dialectological Orok-Russian dictionary: Ethnographic research]. *Trudy IIAEH DVO RAN* [Proceedings of IIAEH FEB RAS]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, vol. XIV, 157 p. (In Russ.)
14. Smoljak A.V. Juzhnye oroki (jetnograficheskie zametki) [Southern Oroks (ethnographic notes)]. *Sovetskaya ehntografiya*, 1965, no. 1, pp. 28–42. (In Russ.)
15. Smolyak A.V. *Ehtnicheskie processy u narodov Nizhnego Amura i Sahalina. Seredina XIX – nach. XX v.* [Ethnic processes among the peoples of Lower Amur and Sakhalin. The middle of the 19th century – the beginning of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 232 p. (In Russ.)
16. Smolyak A.V. Oroki [Oroks]. *Narody Rossii: Enhciklopediya* / ed. by V.A. Tishkov. Moscow, BREH Publ., 1994, pp. 260–261. (In Russ.)
17. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k ehntimologicheskomu slovarju* [A comparative dictionary of the Manchu-Tungus languages: Materials for the etymological dictionary] / ed. by V.I. Cincius. Leningrad, Nauka Publ., 1975, vol. 1, 672 p. (In Russ.)
18. Starcev A.F. Oroki — orochyony, a ne ujl'ta! *K probleme ehntogeneza orokov Sahalina* [The Oroks are the Oroqens, not the Uilta! The problem of ethnogenesis of the Oroks of Sakhalin]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2015, 163 p. (In Russ.)
19. *Status malochislennyh narodov Rossii: Pravovye akty* [The status of small-numbered peoples of Russia: Legal acts]. Moscow, 1999, book 2, 396 p. (In Russ.)
20. Funk D.A., Zen'ko A.P., Silannyaya L. Materialy po sovremennoj kul'ture i social'no-ehkonomicheskomu polozheniyu severnoj gruppy ujl'ta [Materials about the modern culture and the socioeconomic status of the Northern group of the Uilta]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 2000, no. 3, pp. 14–30. (In Russ.)
21. Cherpakova K.Ya. Ehkspediciya v proshloe [An expedition to the past]. *Kul'turnoe nasledie Dal'nego Vostoka Rossii. Sahalinskaya oblast'. Ujl'ta. Ehvenki* [Cultural heritage of the Far East of Russia. The Sakhalin region. The Uilta. The Evenks]. Yuzhno-Sakhalinsk, Lukomor'e Publ., 2009, pp. 187–191. (In Russ.)
22. Shmidt F.B. Sahalinskaya flora [Sakhalin flora]. *Trudy Sibirskoj ehkspedicii IRGO. Fizicheskij otdel. Botanicheskaya chast'* [Proceedings of the Siberian expedition of the Imperial Russian Geographical Society. Physical department. Botanical part]. Saint-Petersburg, 1874, vol. 2, pp. 85–233. (In Russ.)